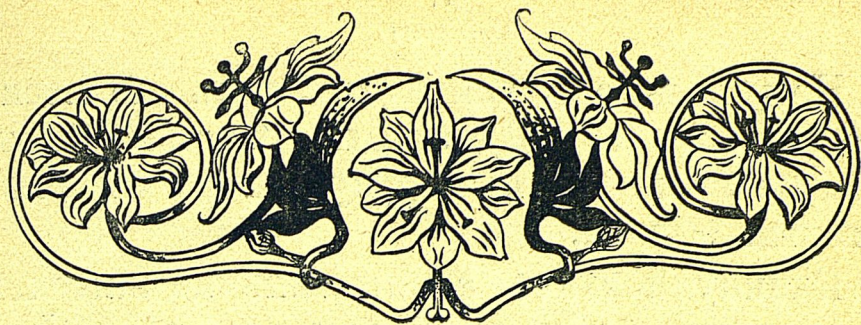

Усеньша-богатырша.

Въ то давнее время, когда міръ Божій былъ наполненъ чудесами, когда рѣки текли молочныя, а берега были кисельные, въ то счастливое время жилъ-былъ царь съ царицею и тремя сыновьями - царевичами. Царь былъ старъ.

Дошли до него слухи, что за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ живетъ Усеньша-богатырша, и есть у нея живая и мертвая вода, а въ саду растутъ молодильныя яблоки.

Сталъ царь думать, какъ бы ему достать ихъ.

Надумалъ онъ кликнуть кличъ по всему государству, не найдется ли охотника ѣхать добывать живую и мертвую воду и молодильныя яблоки.

Кликнули кличъ, а охотникъ не нашелся. Тогда приказалъ царь созвать все свое войско и сдѣлать вызовъ, но и тутъ охотника не выискалось.

Загрустилъ царь.

Видяты это царевичи, и жаль имъ стало отца.

Стали они думать, какъ помочь горю, и рѣшили между собою, что сперва поѣдетъ добывать живой и мертвой воды и молодильныхъ яблокъ старшій царевичъ, а если онъ не возвратится, то ѣхать среднему, если же и этотъ не возвратится — ѣхать меньшому, Ивану царевичу.

Пришелъ старшій царевичъ къ отцу и говорить:

— Отпусти меня, батюшка, въ путь-дорогу. Я поѣду добывать живую и мертвую воду и молодильныя яблоки.

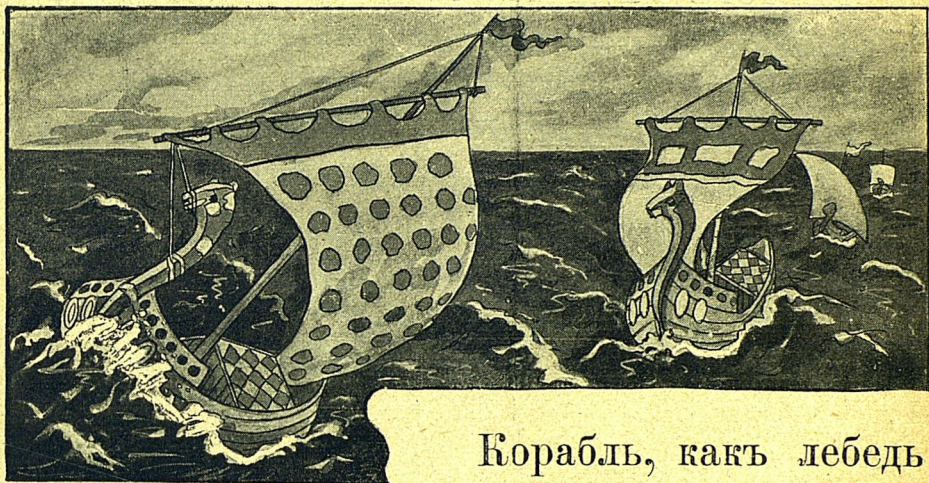
Обнялъ царь сына и отвѣчаетъ ему:

— Поѣзжай, сынъ мой дорогой, съ Богомъ. Если добудешь мнѣ живой и мертвой

воды и молодильныхъ яблокъ, отдамъ тебѣ при жизни полцарства.

Распорядился царь, чтобы поскорѣ снарядили корабль въ дальній путь, и приказалъ старому дядкѣ собираться въ путь вмѣстѣ съ царевичемъ.

Сѣлъ царевичъ на корабль вмѣстѣ съ дядкою и поплыли по морю.

Корабль, какъ лебедь на волнахъ, покачивается. Плывутъ день, плывутъ другой, корабль идетъ какъ слѣдуетъ, а на третій день поднялся вѣтеръ и понесло корабль безъудержу. Перепугалась вся прислуга корабельная, думаетъ: «Вотъ наша гибель пришла!»

А корабль все несется и несется.

Только на четвертый день остановился онъ у прекраснаго острова.

Вышелъ царевичъ съ дядькою на берегъ и видять, что весь островъ покрытъ чудными деревьями и диковинными цвѣтами. Ходять они по острову, любуются да срываютъ спѣлые плоды съ деревьевъ, а птички невиданной красоты перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Вдругъ изъ кустовъ выпорхнула птичка, такой необыкновенной красоты, что царевичъ глазъ отъ нея отвести не можетъ. Перышки у нея блестятъ на солнцѣ, какъ каменья самоцвѣтные, а глазки, словно два брильянта горять.

Порхаетъ птичка вокругъ царевича, словно говорить ему «поймай меня».

И впрямь, захотѣлось царевичу поймать ее. Сталъ онъ ловить ее и только протянетъ руку, чтобы схватить, а она—порхъ и улетѣла! У самыхъ рукъ вьется, а въ руки не дается. Царевичъ за ней, а она отъ него. Далеко ушелъ царевичъ отъ берега, а ужъ день сталъ клониться къ вечеру. Усталъ старый дядька и говоритъ царевичу: — Брось, царевичъ, эту птичку, тебѣ ее не поймать. Я усталъ, да и тебѣ пора отдохнуть. Пойдемъ на корабль.

Отвѣчалъ царевичъ дядькѣ:

— Я безъ этой птички назадъ не пойду! А ты ступай на корабль и жди меня тамъ три дня и три ночи. Если же я за это время не вернусь на корабль, плыви одинъ на родину.

Долго уговаривалъ дядька царевича итти назадъ, но тотъ его не послушался. И пошелъ дядька на корабль, а царевичъ — за птичкой.

Завела птичка царевича въ густой лѣсъ, а сама порхнула въ кусты и пропала. Остался царевичъ одинъ, усталый, голодный. Ходить по лѣсу и думаетъ:

«Что мнѣ теперь дѣлать? Куда итти? Вѣрно, мнѣ погибнуть суждено, растерзають меня въ лѣсу звѣри дикіе!»

Только подумалъ онъ это, вдругъ передъ нимъ тропинка. Пошелъ по ней и пришелъ къ избушкѣ. Видитъ царевичъ: на порогѣ избушки старичокъ сидитъ. Подошелъ царевичъ къ старику, а тотъ и говоритъ ему:

— Здорово, царевичъ! Далеко ли путь держишь?

— Не напоилъ, не накормилъ, а спрашиваешь! — сердито закричалъ на старика царевичъ.

— Вотъ ты каковъ, молодецъ!—сказалъ старикъ.— Я такихъ не люблю. Кто старшихъ не почитаетъ, тотъ и самъ ничего не стоитъ.

Ударилъ старикъ клюкою о землю и явились его слуги, схватили царевича и отвели въ темницу.

Подождалъ дядька царевича три дня, а на четвертый отправился на родину.

Пріѣхалъ дядька и пошелъ во дворецъ къ царю.

Увидалъ его царь и спрашиваетъ:

— А гдѣ же царевичъ?

Упалъ дядька царю въ ноги и отвѣчаетъ:

— Охъ, свѣтлый царь! пропалъ твой старшій сынъ. Принесло насъ буйнымъ вѣтромъ къ чудному острову, вышли мы на берегъ, а вокругъ насъ деревья съ дивными плодами, цвѣты разноцвѣтные и птицы невиданныя, а одна птичка краше всѣхъ. Такъ эта птичка царевичу понравилась, что захотѣлъ онъ ее поймать, пошелъ за нею и пропалъ.

Поднялъ царь съ земли стараго дядьку, обнялъ его и сказалъ:

— Охъ, старикъ, дожили мы съ тобой до большого горя!

Сильно запечалился царь.

Видитъ средній сынъ отцовскую печаль и, чтобы утѣшить отца, говоритъ ему:

— Благослови меня, царь-батюшка! Поѣду я туда, гдѣ мой старшій братъ пропалъ. Можетъ, и воды и яблокъ достану. да и брата найду.

Отпустилъ царь второго сына и далъ ему тотъ же корабль, на которомъ ѣздилъ старшій царевичъ, и того же дядьку въ провожатые.

Первые два дня шелъ корабль, какъ слѣдуетъ, а на третій день поднялся сильный вѣтеръ и погналъ корабль къ тому же острову, гдѣ пропалъ царевичъ. На четвертый день остановился корабль у берега. Царевичъ вмѣстѣ съ дядькой сошли на землю. Глядятъ вокругъ, любуются. а чудная птичка тутъ какъ тутъ.

— Посмотри, посмотри, царевичъ,—говоритъ дядька,—вотъ та самая птичка, которая заведаетъ неизвѣстно куда твоего старшаго брата.

Царевичъ взглянулъ на птичку, а она такъ и вьется вокругъ него, съ цвѣтка на цвѣтокъ перепархиваетъ, чуть-чуть сама въ руки не дается.

— Ну, старикъ, прощай!—говорить царевичъ дядькѣ.—Ступай на корабль и жди меня шесть дней. Не вернусь—отправляйся домой одинъ, а я пойду за птичкой. Можетъ, ее поймаю, а можетъ-быть, она приведетъ меня туда, гдѣ мой братъ заблудился.

— Не ходи, царевичъ,—сталъ дядька его уговаривать,—а то и ты пропадешь, какъ пропалъ твой братъ.

— Эхъ, старый,—отвѣчаетъ царевичъ,—двухъ смертей не бывать, а одной не миновать!

Пошелъ царевичъ за птичкой. Привела его птичка въ лѣсъ, а сама въ кусты улетѣла и скрылась.

Ходиль-ходилъ царевичъ по лѣсу, набрелъ на тропинку и дошелъ по ней до избушки. На крылечкѣ старикъ сидитъ, царевича поджидаетъ, а какъ завидѣлъ его и говоритъ:

— Здорово, царевичъ! Давно я тебя поджидаю. Куда путь держишь?

— Куда путь держу—не твое дѣло. Я сюда не затѣмъ пришелъ, чтобы съ тобой разговаривать. Готовъ скорѣе мнѣ угощеніе, а то плохо тебѣ будетъ.

Разсердился старикъ на дерзкія рѣчи царевича и что есть силы стукнулъ о землю

клюкою своею. Появились слуги, схватили царевича и бросили его въ тюрьму.

Ждетъ дядька царевича, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Послѣ шести дней отплылъ корабль отъ острова и поѣхалъ дядька одинъ домой. Приплылъ корабль къ роднымъ берегамъ и пошелъ старый дядька къ царю съ печальной вѣстью.

Увидаль царь дядьку и спрашиваетъ:

— Гдѣ же царевичъ?

Упалъ старый дядька въ ноги царю, слезами обливается и говорить:

— Хочешь, казни меня, хочешь, милуй! Виновать я, царь-государь! Не сумѣлъ уговорить царевича, чтобы не ходилъ онъ за птичкой, пошелъ за ней и пропалъ!

Горько заплакалъ царь, поднялъ съ земли стараго слугу, обнялъ его и говорить:

— Не буду я тебя казнить, не твоя вина, что погибли царевичи. Вѣрно, ихъ судьба такая.

Горюетъ царь, а Иванъ царевичъ приходитъ къ нему и говорить:

— Царь-батюшка! благослови меня въ путь-дорогу. Я хочу ѣхать братьевъ отыскивать. Можетъ, и братьевъ верну и воды и яблокъ привезу.

— Что это ты, сынъ мой, задумалъ?— отвѣчаетъ ему царь.—Какъ я тебя отпущу? Братья твои постарше были, да и то погибли. Я и царица стары, помремъ—на кого царство останется.

А царевичъ твердить свое: «хочу да хочу ѣхать».

Дѣлать нечего, пришлось царю отпустить и меньшого сына. Призвалъ царь дядьку и строго наказалъ ему беречь царевича. Снарядили корабль и отправились въ путь-дорогу.

Ѣхалъ корабль два дня благополучно, а на третій понесло его буйнымъ вѣтромъ.

Приказалъ дядька якоря бросать, паруса спускать,—ничего не помогаетъ: несется корабль по волнамъ морскимъ какъ птица быстрокрылая. Примчался къ острову и остановился какъ вкопанный.

Говорить дядька царевичу:

— На этомъ островѣ твои братья погибли.

— А я, можетъ-быть, ихъ отыщу. Надо счастья попытать.

Вышелъ царевичъ на берегъ. Любуется красотой острова, а дядька говорить ему:

— Берегись, Иванъ царевичъ! Вотъ она птичка-злодѣйка, что погубила твоихъ братьевъ.

А птичка порхнула передъ царевичемъ, сѣла на вѣтку, глядитъ своими чудными глазками въ глаза Ивану царевичу и словно манить его къ себѣ. Такъ она понравилась ему, что онъ глазъ отвести не можетъ. А дядька все умоляетъ царевича не вѣрить лукавой птичкѣ, не ходить за нею.

Слушалъ-слушалъ царевичъ и говорить дядькѣ:

— Ступай ты на корабль, жди меня три мѣсяца, а если я не явлюсь, то еще жди три недѣли, прождешь три недѣли, а меня все нѣтъ—жди еще три дня. А съ этой птичкой я не разстанусь: либо самъ погибну, либо братьевъ найду.

Ушелъ дядька, а царевичъ пошелъ за птичкой. Привела птичка Ивана царевича въ лѣсъ, а сама въ кустахъ пропала. Ходилъ-ходилъ царевичъ по лѣсу и говорить:

— Вѣрно, мнѣ пропадать, какъ пропали братья мои.

Только проговорилъ онъ это, передъ нимъ тропинка явилась.

Пошелъ царевичъ по тропинкѣ и пришелъ къ избушкѣ. Вошелъ онъ въ нее, а тамъ на лавкѣ старикъ сидитъ. Увидалъ старикъ царевича и говоритъ ему:

— Здорово, Иванъ царевичъ! Давно я тебя жду, насилу дождался. Куда путь держишь?

— Здравствуй, дѣдушка! — отвѣчалъ царевичъ. — Куда путь мой лежитъ, я самъ не знаю: иду я братьевъ своихъ отыскивать да для батюшки царя живую и мертвую воду и молодильныя яблоки добывать.

— Нелегкое твое дѣло, царевичъ! Ну, да объ этомъ мы завтра потолкуемъ, а теперь тебѣ поѣсть да отдохнуть надо.

Ударилъ старикъ въ землю клюкою, тотчасъ слуги явились. Приказалъ имъ старикъ накормить, напоить и спать уложить Ивана царевича.

Проснулся Иванъ царевичъ и глазамъ своимъ не вѣрить: лежитъ онъ въ роскошныхъ палатахъ на золотой кровати, а у дверей слуги стоятъ, его пробужденія дожидаются. Чуть замѣтили, что онъ проснулся и спрашиваютъ:

— Чего хочешь, Иванъ царевичъ? Что приказать изволишь?

День за днемъ живетъ Иванъ царевичъ у старика въ гостяхъ и такъ ему хорошо живется, что онъ счетъ времени потерялъ. Ужъ два мѣсяца прошло, а царевичъ и не думаетъ въ путь собираться. Видитъ это старикъ и спрашиваетъ:

— Знаешь ли, Иванъ царевичъ, сколько времени ты у меня гостишь?

— Денька два будетъ,—отвѣчалъ царевичъ.

Засмѣялся старикъ и говоритъ царевичу:

— Нѣтъ, царевичъ. не два дня, а два мѣсяца!

— Охъ, дѣдушка! что же мнѣ теперь дѣлать? Времени у меня мало осталось, пожалуй, не успѣю доѣхать до царства Усоньши-богатырши.

— Ничего, Иванъ царевичъ, не горюй. Я полюбилъ тебя за твою простоту и помогу добратся до царства Усоньши-богатырши.

Приказалъ старикъ своимъ слугамъ списать съ царевича портретъ. Когда портретъ былъ готовъ, онъ призвалъ къ себѣ царевича и сказалъ:

— Садись, царевичъ, на полъ.

Царевичъ сѣлъ, а старикъ очертилъ вокругъ него мѣломъ и говоритъ:

— Ну, Иванъ царевичъ, слушай что я тебѣ говорить буду, а когда я кончу, ты хлопни въ ладоши три раза и очутишься въ царствѣ Усоньши-богатырши. Возьми свой портретъ. Вотъ тебѣ и часы,—и старикъ подалъ царевичу часы,—а вотъ и мѣлъ. Этимъ мѣломъ ты очертишь вокругъ себя когда добудешь все, что тебѣ надо. У входа въ садъ Усоньши-богатырши стоятъ два великана и у каждого въ рукѣ по палицѣ въ пятьсотъ пудовъ. Никого они не пропускаютъ. Ты старайся мимо нихъ пройти ровно въ двѣнадцать часовъ,—въ этотъ часъ они засыпаютъ. Войдешь въ садъ и увидишь тамъ два колодца, а между ними стоитъ яблоня съ молодильными яблочками. У колодцевъ два льва стоятъ и растерзаютъ всякаго, кто къ нимъ приблизится, но въ двѣнадцать часовъ и они спятъ. Добудешь мертвой и живой воды, сорвешь молодильныхъ яблочекъ, ступай прямо во дворецъ къ Усоньшѣ-богатыршѣ, она въ полночь тоже спитъ и во дворцѣ у нея всѣ спятъ. Ступай прямо къ ней въ опочивальню. Свой портретъ къ ней на столъ поставь, а ея себѣ

возьми и часами съ ней помѣняйся, да не забудь, возьми у нея со столика кошель-самотрясъ: онъ всегда полонъ золота. Ну, а теперь отправляйся въ путь.

Хлопнулъ царевичъ въ ладоши три раза и очутился у воротъ сада Усоньши-богатырши. Взглянулъ на часы—ровно полночь! Великаны спятъ. Царевичъ проскочилъ мимо нихъ, тѣ и не шевельнулись. Пришелъ въ садъ. Львы тоже спятъ, какъ убитые. Набралъ онъ въ пузырьки живой и мертвой воды, нарвалъ молодильныхъ яблокъ и пошелъ во дворецъ. Вошелъ въ первую комнату—тутъ спятъ двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ; входитъ во вторую—еще двѣнадцать спящихъ дѣвушекъ; вошелъ въ третью, тамъ спитъ на роскошной постели сама Усоньша-богатырша. Взглянулъ на нее Иванъ царевичъ и глазъ отвести не можетъ: никогда такихъ красавицъ онъ не видывалъ. Посмотрѣлъ царевичъ на часы, осталось ему только десять минутъ. Схватилъ онъ скорѣе ея часы, портретъ и кошель-самотрясъ, а ей свои часы и свой портретъ оставилъ. Быстро пробѣжалъ онъ назадъ мимо львовъ и великановъ, очертилъ вокругъ себя мѣломъ, хлопнулъ въ ладоши и очутился опять у старика.

Проснулась Усоньша-богатырша, увидала на своемъ столѣ портретъ царевича и его часы, и закричала громкимъ голосомъ:

— Кто осмѣлился быть у меня безъ моего разрѣ-

шенія? Послать погоню и привести ко мнѣ дерзкаго!

Но погоня ни съ чѣмъ возвратилась. Разсердилась Усоньша-богатырша и поѣхала сама отыскивать своего гостя непрошеннаго.

А Иванъ царевичъ, очутившись у старика, говоритъ ему:

— Здравствуй, дѣдушка! Вотъ я и опять у тебя. Все досталъ: и воды, и яблокъ, и кошель-самотрясъ, полный золота, — теперь бы домой къ отцу ѣхать, да вотъ горе — не знаю, гдѣ братьевъ искать.

Заплакалъ царевичъ, а старикъ говоритъ ему:

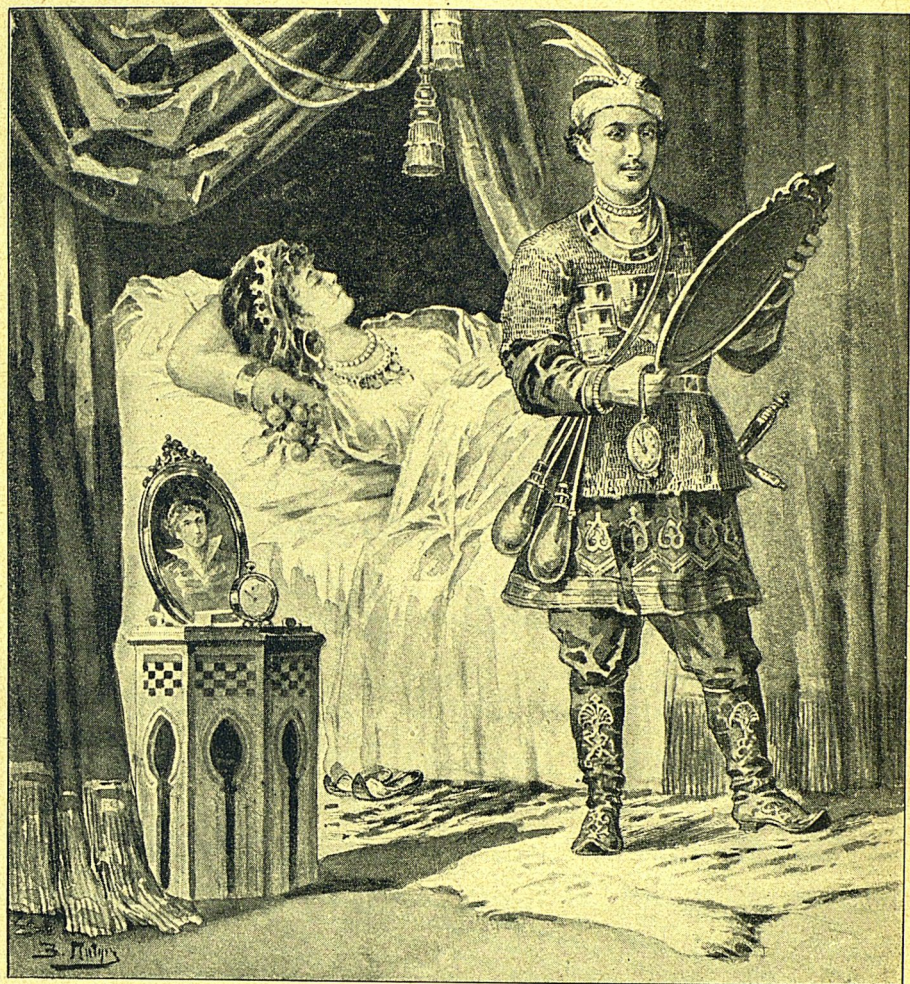
— Не плачь, Иванъ царевичъ! Братья твои у меня. Я бы ихъ за грубость никогда не простилъ, да ужъ ради тебя прощу. Бери ихъ и вези къ отцу.

И приказалъ старикъ привести братьевъ царевича.

Радостно встрѣтились братья; обнялись, поблагодарили старика и отправились на свой корабль.

Бѣдутъ царевичи домой. Только старшіе братья невеселы: завидно имъ, что Иванъ царевичъ добылъ и воды и яблокъ. И рѣшили они между собою, какъ только заснутъ

младшій братъ, отобрать у него живую и мертвую воду, замѣнить ее морской водой,

а вмѣсто молодильныхъ яблокъ положить простыхъ.

Такъ они и сдѣлали.

Пріѣхали царевици домой. Увидалъ царь своихъ сыновей, обрадовался, обнимаетъ, цѣлуетъ ихъ.

Вытащилъ изъ кармана Иванъ царевищъ пузырьки съ водой и яблоки и говоритъ отцу:

— Вотъ, батюшка, я досталъ живой и мертвой воды и молодильныхъ яблокъ. Выпей водицы да скушай яблочко, такъ и станешь молодымъ.

Выпилъ царь воды, съѣлъ яблоко и, какъ былъ старъ, такъ и остался.

А старшіе братья говорятъ отцу:

— Не вѣрь ему, батюшка, онъ обманываетъ: мы достали для тебя живой и мертвой воды и молодильныхъ яблокъ. Вотъ они.

Подали братья царю воду и яблоки.

Выпилъ царь воды—здоровъ сталъ, съѣлъ яблоко—молодымъ сдѣлался.

Обрадовался царь. Благодарить старшихъ сыновей, а на Ивана царевища сильно разсердился и закричалъ:

— Уходи съ глазъ моихъ! Не хочу имѣть въ своемъ домѣ сына-обманщика.

Ничего не сказалъ царевищъ. Поклонился отцу, братьямъ и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Вышелъ онъ за городъ въ поле, видитъ—пастухъ стадо пасетъ; подошелъ къ нему царевичъ и сталъ просить:

— Отдай мнѣ, пастухъ, свой кафтанъ, а мою одежду возьми себѣ.

Пастухъ согласился. Скинулъ свой кафтанъ и отдалъ царевичу, а его одежду себѣ взялъ.

Поблагодарилъ царевичъ пастуха и пошелъ куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ царевичъ и пришелъ въ большой городъ на площадь базарную. Ходить царевичъ мимо лавокъ, смотреть, какъ купцы товаръ продаютъ. Подошелъ онъ къ одной маленькой лавочкѣ, гдѣ старый старикъ торговалъ, и говоритъ ему:

— Дѣдушка, возьми меня въ лавку торговать!

— Да ты кто таковъ?—спрашиваетъ лавочникъ.

— Возьми меня, дѣдушка! Буду служить тебѣ вѣрой и правдой, а кто я таковъ, про то не спрашивай.

Понравился старику Иванъ царевичъ и согласился онъ взять его къ себѣ.

Сталъ царевичъ торговать. Удивляется старикъ: никогда у него такихъ барышей не

было, какъ при молодомъ приказчикѣ. А Иванъ царевичъ, какъ только старикъ уйдетъ изъ лавки, достанетъ свой кошель-самотрясъ и насыплетъ полный ящикъ золота, а вечеромъ станетъ отдавать старику деньги и говорить:

— Вотъ, дѣдушка, гляди, сколько я на-торговалъ!

Въ скоромъ времени старикъ такъ разбогатѣлъ, что всѣ стали ему завидовать.

Разъ утромъ шелъ по базару полкъ солдатъ, а Иванъ царевичъ отворилъ лавку и говорить:

— Солдатушки, ребятушки, берите себѣ въ лавкѣ все, что хотите.

Вмигъ разобрали солдаты всю лавку.

Ушли солдаты, а царевичъ досталъ свой кошель-самотрясъ и насыпалъ полный прилавокъ золотомъ.

Стали купцы смѣяться надъ старикомъ, говорятъ ему:

— Хорошаго ты себѣ приказчика досталъ! Весь товаръ солдатамъ роздалъ.

А старикъ отвѣчаетъ имъ:

— Можетъ, мой приказчикъ и плохъ, да никто мнѣ такого барыша не приносилъ, какъ онъ.

Привелъ старикъ въ свою лавку купцовъ, показалъ имъ груды золота, тѣ такъ и ахнули, а на другой день открыли свои лавки и ждутъ, когда полкъ мимо пойдетъ.

Идутъ солдаты, а купцы и кричатъ имъ:
— Эй, служивые, берите изъ нашихъ лавокъ все, что хотите!

Разобрали солдаты весь товаръ и ушли, а глупые купцы остались и безъ товара и безъ денегъ. Разсердились они на старика и на царевича и стали бранить ихъ. А царевичъ со старикомъ сидятъ въ лавкѣ да посмѣиваются.

Тѣмъ временемъ пріѣхала въ то царство, гдѣ жилъ Иванъ царевичъ, Усоньша-богатырша и послала къ царю посла съ приказомъ, чтобы онъ выдалъ ей своего меньшого сына, Ивана царевича, а не то она все царство разорить и царя въ плѣнъ возьметъ.

Испугался царь, не знаетъ что ему дѣлать. Испугались и старшіе царевичи. Признались они отцу, что обманули его и оклеветали меньшого брата.

Въ другое время царь сильно бы разгнѣвался, а теперь ему не до того было. Надо сына отыскать, чтобы отправить его къ

Усоньшѣ-богатыршѣ, а гдѣ онъ — никто не знаетъ.

Дошелъ до царя слухъ, что въ сосѣднемъ городѣ у старика-купца появился чудный приказчикъ, — всѣмъ раздаетъ товаръ даромъ, а сундуки у старика отъ золота ломаются.

— Это, вѣрно, мой сынъ, Иванъ царевичъ, — вскричалъ царь и послалъ посланнаго за этимъ чуднымъ приказчикомъ.

Привезли Ивана царевича домой.

— Зачѣмъ я вамъ, батюшка, понадобился? — спрашиваетъ онъ царя.

А царь обнялъ его и говоритъ:

— Я былъ къ тебѣ несправедливъ, прости меня. Не плати зломъ за зло. Выручай насъ изъ бѣды.

Пришли братья, пали передъ Иваномъ царевичемъ на колѣни и говорятъ ему:

— Прости насъ, братъ!

Поднялъ царевичъ братьевъ съ земли, обнялъ ихъ и говоритъ:

— Не будемъ, братцы, вспоминать стараго, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Сталъ собираться Иванъ царевичъ къ Усоньшѣ-богатыршѣ, а отъ нея ужъ опять за нимъ посоль.

«Ну,—думаетъ царевичъ,—видно, очень разгнѣвалась Усоньша-богатырша! Что-то теперь будетъ со мной? Вѣрно, ужъ мнѣ не быть живымъ».

Пришелъ онъ къ Усоньшѣ-богатыршѣ, стоитъ ни живъ ни мертвъ.

Выходитъ къ нему Усоньша-богатырша, ласково улыбается, беретъ его за руки бѣлая и говоритъ ему:

— Ты взялъ мой портретъ, а теперь бери и меня себѣ въ жены.

Царевичъ отъ радости ушамъ своимъ не вѣрить, что такая красавица хочетъ быть женою его.

А Усоньша-богатырша говоритъ ему:

— Что же ты молчишь, царевичъ? Иль я тебѣ такъ противна, что ты и говорить со мною не хочешь?

Опомнися царевичъ, обнялъ свою невѣсту и повелъ къ отцу.

— Вотъ,—говоритъ,—батюшка, моя невѣста. Благослови насъ!

Благословилъ царь жениха съ невѣстой. Скоро сыграли свадьбу и уѣхалъ Иванъ царевичъ съ молодой женою въ ея царство, гдѣ они и сейчасъ живутъ наславу.

